

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием адвоката Ч., представителя заявителя Е. – адвоката Ф. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение № ... выдано 05 сентября 2017 года Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве, ордер № ... от 02 сентября 2020 года), рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), возбужденное по жалобе Ем. от 18 июля 2020 года (вх. № ... от 24.07.2020) и жалобе Е. от 23 июля 2020 года (вх. № ... от 31.07.2020),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 11 ноября 2020 года, адвокатом Ч. допущено:

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., что выразилось в его неявке 13 июня 2020 года без уважительных причин в судебное заседание С. районного суда города Москвы. по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району С. города Москвы. об избрании в отношении подзащитного Е. меры пресечения;

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 1, 2 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в направлении в период с 21 июня 2020 года по 28 июня 2020 года требований Ем. о заключении Соглашения на защиту Е., а также требований об оплате работы адвоката Ч. в сумме 25 000 рублей, ранее выполненной по назначению следователя.

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ч. по жалобе Ем. от 18 июля 2020 года (вх. № ... от 24.07.2020) и жалобе Е. от 23 июля 2020 года (вх. № ... от 31.07.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской

деятельности и адвокатуры в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ч. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласен частично. По первому пункту дисциплинарного обвинения указал, что *«на момент судебного заседания там уже присутствовал адвокат по соглашению, и получается, что подзащитному была оказана юридическая помощь»*. Под защитником по соглашению адвокат Ч. имеет в виду адвоката по имени Э., которого он сам рекомендовал Е. По поводу второго пункта обвинения – Ем. сама оплатила его услуги, оказанные за то, что он провел консультацию. *«Грубо говоря, получается»*, что он (адвокат Ч.) консультировал Е. по защите по тому же уголовному делу, по которому был защитником по назначению. Насколько он помнит, она сама предложила оплатить 25 тысяч рублей. Это указано и в ее заявлении, что она сама была готова оплатить, соответственно, им (адвокатом Ч.) был выслан образец соглашения.

Представитель заявителя Е. – адвокат Ф. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласна.

Совет, обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Ч., представителя заявителя Е. – адвоката Ф., пришел к выводу о правильном установлении Квалификационной комиссией фактических обстоятельств дела.

Так, установлено, что 11 июня 2020 года в 20.20 час. адвокат Ч. принял распределенную ему Автоматизированной информационной системой Адвокатской палаты города Москвы заявку № ... на защиту в СО ОМВД России по району С. города Москвы. Е., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. На основании принятой заявки адвокат Ч. прибыл в СО ОМВД России по району С. города Москвы, где вступил в уголовное дело № ... в качестве защитника по назначению подозреваемого Е., предъявив ордер от 11 июня 2020 года № ..., в поле «поручается» которого указал «11.06.2020 г. защита Е. ОМВД С. г. Москва», а в поле «Основания выдачи ордера» вписал «ст. 51 УПК РФ».

С 22.30 час. 11 июня 2020 года по 03.15 час. 12 июня 2020 года адвокат Ч. принял участие в следственных и иных процессуальных действиях с участием подзащитного Е.: составление протокола задержания подозреваемого Е., допрос подозреваемого Е., предъявление ему обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, допрос обвиняемого Е.

Около 23.50 час. 11 июня 2020 года адвокат Ч. возле КПП ОМВД России по району С. города Москвы встретился с родителями Е. При этом, как утверждает заявитель Е., адвокат Ч. скрыл, что является защитником по назначению, потребовал оплаты вознаграждения в размере 100 000 рублей за защиту Е. и получил от Ем. 50 000 рублей наличными без какого-либо

документального оформления получения этих денежных средств. В 00.29 час. 12 июня 2020 года адвокат Ч. направил Ем. с помощью мобильного приложения «WhatsApp» фотокопию своего адвокатского удостоверения, а затем выслал файл с бланком соглашения об оказании юридической помощи, в тексте которого были заполнены необходимые данные в отношении адвоката Ч., но отсутствовало указание на предмет поручения, виды оказываемой юридической помощи и иные условия поручения, размер вознаграждения адвоката, сроки и порядок его оплаты, а также отсутствовали подписи сторон.

13 июня 2020 адвокат Ч. не явился в судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого Е. Накануне, 12 июня 2020 года в 20.32 час. адвокат Ч. с помощью мобильного приложения «WhatsApp» направил Ем. сообщение «...», «Э.», предварительно уведомив, что не будет участвовать в судебном заседании по избранию меры пресечения, в связи с чем Ем. необходимо обратиться к адвокату по имени Э., которому следует заплатить 25 000 рублей за участие в судебном заседании.

Затем, в период с 17 июня 2020 года по 28 июня 2020 года, неоднократно в разное время суток, в том числе в ночное время, адвокат Ч. звонил и направлял Ем. сообщения с помощью мобильного приложения «WhatsApp» с просьбами и требованиями заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи и произвести оплату, а 28 июня 2020 года направил Ем. сообщение: «Он наркоман возможно найдут наркотики», которое Ем. восприняла как угрозу.

Согласно протоколу осмотра от 03 июля 2020 года, произведенного нотариусом города Москвы М. (лицензия № ... на право нотариальной деятельности от 10 мая 1995 года, приказ № ... от 02 марта 1998 года, выданные Управлением юстиции города Москвы) в целях обеспечения доказательств произведен осмотр смартфона «Samsung Galaxy J5», принадлежащего Ем., с целью фиксации на бумажном носителе сохраненных в памяти устройства сообщений, полученных Ем. с помощью мобильного приложения «WhatsApp» от контакта «Адвокат ... (абонентский номер ...)». Осмотром установлено, что в сообщении с указанным контактом за 12 июня 2020 года имеются вложенные файлы в 00.29 час. «IMG-20200612-WA0000.jpg» и в 00.33 час. «СОГЛАШЕНИЕ БЛАНК.doc», которые были распечатаны и приобщены к протоколу осмотра. К протоколу осмотра также приобщены скриншоты сообщений с контактом «Адвокат ... (абонентский номер ...)» и информация о пропущенных от данного контакта звонках, в том числе: 12 июня 2020 года в 20.32 час от него поступило сообщение с текстом «...», «Э.»; 17 июня 2020 года в 12.36 час. - «... Сбербанк Л.»; 21 июня 2020 года с 03.35 час. по 03.45 час. - «Давайте закончим», «Договор», «Перевод сделайте», «Пожалуйста», «Давайте вы переведете», «И мы распрощаемся», «Спасибо за внимание» (а также два пропущенных звонка за этот промежуток времени); 27 июня 2020 года с 06.43 час по 07.33 час. - «Возможно со мной расплатиться», «Я вам посылал счет», «...», «Сбербанк»,

«Пожалуйста переведите», «25 000 по договору», «Ну если нет значит нет», «Пожалуйста дайте ответ», «Я как адвокат по назначению не могу бросить это дело», «Пожалуйста расплатитесь со мной», «Если есть возможность», «Вы переведете оплату» (а также многочисленные пропущенные звонки за этот промежуток времени); 28 июня 2020 года в 00.01 час. пропущенный звонок, в 00.01 час. сообщение «Он наркоман возможно найдут наркотики», в 00.03 час. «Перезвоните мне», в 00.04 час. пропущенный звонок.

На распечатке файла «IMG-20200612-WA0000.jpg» содержится фотокопия удостоверения адвоката № ..., выдано 27 июня 2013 года Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве на имя адвоката Ч., регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы.

На распечатке файла «СОГЛАШЕНИЕ БЛАНК.doc» содержится документ (на трех листах), озаглавленный «СОГЛАШЕНИЕ № _____ Об оказании юридической помощи». Поле «Доверитель» документа не заполнено, после него идет текст «... и адвокат Ч. (...), Коллегии адвокатов г. Москвы «...», в дальнейшем Адвокат, с другой стороны...». В разделе «1. Предмет Соглашения» поля для внесения сведений о получателе юридической помощи и её видах не заполнены. В разделе «3. Размер и условия оплаты гонорара и возмещения расходов Адвоката» поля о размере и сроках оплаты вознаграждения адвокату не заполнены. В разделе «7. Подписи Сторон» подписи отсутствуют.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неявке 13 июня 2020 года адвоката Ч. без уважительных причин в судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району С. города Москвы об избрании меры пресечения в отношении его подзащитного Е., Совет признаёт это нарушение установленным, поскольку оно подтверждается жалобами Ем. и Е., протоколом осмотра отправленных адвокатом Ч. в адрес Ем. сообщений с помощью мобильного приложения «WhatsApp», а также признаётся самим адвокатом Ч. При этом адвокат Ч. не представил сведений о наличии уважительной причины неявки в указанное судебное заседание и не подтвердил это какими-либо доказательствами.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о неисполнении адвокатом Ч. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., выразившемся в неявке без уважительных причин 13 июня 2020 года в судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району С. города Москвы об избрании в отношении подзащитного Е. меры пресечения.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в том, что адвокат Ч., являясь защитником Е. по назначению, требовал от Ем. денег и подписания соглашения на защиту Е., Совет признаёт установленным, что адвокат Ч. требовал от Ем. заключения с ним соглашения на защиту ее сына Е. и оплаты юридической помощи, в действительности оказываемой адвокатом Ч. подзащитному Е. в порядке, предусмотренном ст. 51 УПК РФ, а также

неоднократно направлял с этой целью Ем. сообщения в мобильном приложении «WhatsApp», в том числе сообщение «Он наркоман возможно найдут наркотики», которое Ем. восприняла как угрозу со стороны адвоката Ч. с целью добиться исполнения его требований об оплате.

Данные обстоятельства подтверждаются жалобами Ем. и Е., данными в заседании Квалификационной комиссии устными объяснениями Ем., составленным нотариусом протоколом осмотра сообщений адвоката Ч. на телефонный номер Ем. в мобильном приложении «WhatsApp», фотокопией удостоверения адвоката Ч. и файла с бланком соглашения от имени адвоката Ч. об оказании юридической помощи, а также признаются адвокатом Ч. в той части, что он делал попытки заключения с Ем. соглашения об оказании юридической помощи, а в последующем высказывал ей просьбы об оплате.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ч. опровергнутой и приходит к выводу об умышленном нарушении им положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, выразившемся в заявлении адвокатом Ч., осуществляющим защиту Е. по назначению следователя, требования Ем. заключить с ним соглашение на защиту Е., а также в направлении в период с 21 июня 2020 года по 28 июня 2020 года в адрес Ем. в мобильном приложении «WhatsApp» сообщений, содержащих требования об оплате уже оказанной Е. по назначению следователя юридической помощи в размере 25 000 рублей, в том числе и сообщения «Он наркоман возможно найдут наркотики», которое Ем. восприняла как угрозу, высказанную в целях понуждения ее к исполнению требований адвоката Ч. выплатить ему требуемые денежные средства.

Данные действия адвоката Ч. нарушают требования пп. 1, 2 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и аналогичные требования п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которыми адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда.

Совет признаёт не подтвердившимся дисциплинарное обвинение в получении адвокатом Ч. 50 000 рублей от Ем. в качестве оплаты за защиту ее сына Е. в отсутствие заключенного Соглашения, поскольку адвокат Ч. данные обстоятельства отрицает, а кроме заявления Ем. и производного от него заявления Е. данные дисциплинарные обвинения в указанной части более ничем не подтверждены, в том числе и документально. При таких

обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в этой части дисциплинарных обвинений.

Совет считает необходимым дать более подробную оценку дисциплинарного обвинения адвоката Ч. во вступлении его, вопреки Разъяснению Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», в уголовное дело в качестве защитника по назначению и участия в следственных и иных процессуальных действиях в качестве защитника Е. до истечения 24-х часов с момента фактического задержания, что лишило Е. права на приглашение защитника, а также дисциплинарного обвинения в том, что адвокат Ч. не разъяснил подзащитному Е. право на приглашение защитника. В указанном Разъяснении Совета указано, что «24-х часовой срок явки приглашенного защитника с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу является особым – как в силу своей сжатости, так и более жестких правил назначения защитника (без предложения пригласить другого защитника взамен неявившегося). Ситуация, в которой оказывается подозреваемый в первые часы после задержания, полностью исключает злоупотребление правом с его стороны. <...> На основании изложенного, Совет разъясняет: адвокат, назначенный защитником задержанного, подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, 24-часового срока для явки приглашенного защитника. Кроме случая, когда будет представлено не вызывающее сомнений в своей достоверности подтверждение невозможности явки адвоката, с которым заключено соглашение, в тот же срок. Невыполнение данного разъяснения будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2015. № 3 (129). С. 39-42*).

Квалификационная комиссия, оценив обстоятельства вступления адвоката Ч. в уголовное дело в качестве защитника Е., указала на то, что в протоколах задержания подозреваемого Е., его допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого, составленных соответственно 11 и 12 июня 2020 года, есть отметка о разъяснении Е. прав под роспись. Комиссия также указала в Заключение, что в этих протоколах отсутствуют возражения Е. против участия в деле в качестве защитника адвоката Ч. и ходатайство Е. о необходимости приглашения защитника, а также в материалах

дисциплинарного производства отсутствуют данные о наличии по состоянию на 11 июня 2020 года у Е. защитника по соглашению. Комиссией также приведен довод о том, что представленные доказательства подтверждают факт наличия у Е. в прошлом опыта участия в уголовном судопроизводстве в качестве обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного), что ставит под сомнение его доводы о неинформированности в этой части о процессуальных правах, в частности, о праве на приглашение защитника. Основываясь на этих доводах, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части дисциплинарных обвинений в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката Ч. нарушений положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не может согласиться с таким подходом прежде всего потому, что адвокатом Ч. не исполнены приведённые выше предписания, содержащиеся в Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению». Из материалов уголовного дела следует, что оно было возбуждено 11 июня 2020 года. Е. задержан в период между 14-00 час. (указанное им в протоколе допроса в качестве подозреваемого от 11 июня 2020 года время вызова «такси», доставившего его к месту фактического задержания) и 15.08 час. (время начала проведения личного досмотра в подъезде № ... дома № ... по П. переулку г. Москвы, указанное в соответствующем протоколе за ту же дату). При этом адвокат Ч., вступив в дело в качестве защитника по назначению, участвовал в допросе Е. в качестве подозреваемого, начавшемся в 22 часа 30 минут 11 июня 2020 года, и в последующих процессуальных действиях, произведённых до истечения 24-х часов с момента задержания Е. Каких-либо сведений о том, что адвокат Ч. разъяснил Е. его право выбрать защитника и заключить с ним соглашение, в дисциплинарном деле нет. Отсутствует и какое-либо (тем более, не вызывающее сомнений в своей достоверности) подтверждение невозможности в 24 часа явки адвоката, с которым заключено соглашение, при том, что такая невозможность, согласно указанному Разъяснению Совета, является единственным исключением из требования о недопустимости участия защитника по назначению в процессуальных действиях до истечения 24 часов с момента задержания лица, которому оказывается юридическая помощь.

При таких обстоятельствах адвокат Ч. должен был руководствоваться обязательным для него в силу пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Разъяснением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению», утверждённым Советом в пределах его компетенции. В этом Разъяснении содержится прямое и ясное требование о том, что адвокат, назначенный защитником задержанного,

подозреваемого или заключенного под стражу подозреваемого, прибыв к дознавателю, следователю, обязан выяснить точное время фактического задержания, заключения под стражу, и после свидания с подозреваемым, обвиняемым наедине *не принимать участия в каких-либо процессуальных действиях до истечения предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ 24-часового срока для явки приглашенного защитника (выделено Советом)*. В Разъяснении также указано, что его невыполнение будет расцениваться как нарушение пп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушения прав доверителя ходатайствовать об их устранении. При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что приведённая выше мотивировка Квалификационной комиссии по анализируемому вопросу также не соответствует Разъяснению Совета.

Кроме того, Совет считает недопустимым следующий довод Квалификационной комиссии, приведённый в её Заключении: «Представленные доказательства, подтверждают факт наличия у Е. в прошлом опыта участия в уголовном судопроизводстве в качестве обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного), что ставит под сомнение его доводы о неинформированности в этой части о процессуальных правах, в частности, о праве на приглашение защитника».

Прежде всего, следует отметить, что в Заключении Квалификационной комиссии приведены пояснения Е. о том, что адвокат Ч. не разъяснил ему, что у него есть время, чтобы родственники могли «вызвать адвоката». Наоборот, адвокат Ч. заявил, что такой возможности нет ни у Е., ни у его родных. Таким образом, довод заявителя Е. состоит не в его неосведомленности, а в ненадлежащем поведении адвоката Ч.

Далее в той же связи Совет обращает внимание, что Е. был ранее судим в 2002 году, как это указано на с. 1 протокола его задержания от 12 июня 2020 года. Между тем, рассматриваемое Разъяснение Совета, регламентирующее взаимоотношения адвоката и подозреваемого в первые 24 часа задержания, принято только в 2015 году, и поэтому никак не могло быть известно в период времени, когда Е. приобретал свой первый «опыт участия в уголовном судопроизводстве». Вместе с тем, как указано выше, адвокат Ч., должен был действовать в соответствии с этим Разъяснением (как и Квалификационная комиссия при оценке его профессионального поведения).

Совет считает необходимым отметить, что никакой «предыдущий опыт» заявителя ни в коей мере не может являться поводом для ограничения его прав и требований к адвокату, который, в свою очередь, во всех случаях, при оказании юридической помощи любому доверителю должен действовать в полном соответствии с требованиями Федерального закона «Об

адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

В этой связи Совет приходит к выводу, что Квалификационная комиссия, правильно установив фактические обстоятельства в указанной части, дала им неверную правовую оценку, не усмотрев в поведении адвоката Ч. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем Совет считает необходимым разрешить настоящее дисциплинарное производство на основании Заключения Квалификационной комиссии, поскольку для этого имеются достаточные основания.

В соответствии с Разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам от 15 мая 2018 г. № 03/18 по вопросу применения мер дисциплинарной ответственности, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 мая 2018 г., о тяжести совершенного адвокатом проступка может свидетельствовать недопустимое и несовместимое со статусом адвоката отношение к исполнению профессиональных обязанностей. По мнению Совета Адвокатской палаты города Москвы, именно такое отношение усматривается в установленных Квалификационной комиссией и признанных дисциплинарными нарушениями действиях адвоката Ч., выразившихся в его неявке 13 июня 2020 года без уважительных причин в судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району С. города Москвы об избрании в отношении подзащитного Е. меры пресечения, а также в направлении в период с 21 июня 2020 года по 28 июня 2020 года требований Ем. о заключении Соглашения на защиту Е., а кроме того – требований об оплате работы адвоката Ч. в сумме 25 000 рублей, ранее выполненной им в качестве защитника по назначению следователя.

Поскольку указанные действия в своей совокупности дают все необходимые основания для принятия Советом решения о несовместимости поведения адвоката Ч. со статусом адвоката, Совет не считает необходимым давать отдельную оценку игнорирования им требований Разъяснения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 24 сентября 2015 года «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению».

Определяя в соответствии с требованием пункта 4 статьи 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Ч. за совершённые им дисциплинарные нарушения, Совет учитывает их умышленный и грубый характер, свидетельствующий о явном пренебрежении адвокатом фундаментальными требованиями профессиональной этики.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта

Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате, на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката Ч. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет считает, что более мягкая мера дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката не только не отвечала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и давала бы основание полагать, что адвокатское сообщество признаёт подобное профессиональное поведение адвоката допустимым.

В соответствии с требованиями п. 1.1. ст. 25, п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет считает необходимым установить в отношении Ч. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 3 (три) года, как в наибольшей степени соответствующий характеру и тяжести дисциплинарных нарушений и иным обстоятельствам дела.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 3 п. 6 ст. 18, п. 7 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

1. Применить к адвокату Ч. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за:

- неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем Е., что выразилось в его неявке 13 июня 2020 года без уважительных причин в судебное заседание С. районного суда города Москвы по рассмотрению ходатайства следователя СО ОМВД России по району С. города Москвы об избрании в отношении подзащитного Е. меры пресечения;

- нарушение взаимосвязанных положений пп. 1, 2 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в направлении в период с 21 июня 2020 года по 28 июня 2020 года требований Ем. о заключении Соглашения на защиту Е., а также требований об оплате работы адвоката Ч. в сумме 25 000 рублей, ранее выполненной по назначению следователя.

Установить в отношении Ч. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на повторное приобретение статуса адвоката, продолжительностью в 3 (три) года.

2. Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство в связи с отсутствием в иных действиях адвоката Ч. нарушений законодательства адвокатской деятельности, в том числе Кодекса профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков